

**III СЕВЕРНЫЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
КОНГРЕСС
ДОКЛАДЫ**

**III NORTHERN
ARCHAEOLOGICAL
CONGRESS
PAPERS**

III СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

Ханты-Мансийск 2010

ПРАВИТЕЛЬСТВО
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УРО РАН

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

III СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

ДОКЛАДЫ

8–13 НОЯБРЯ 2010
ХАНТЫ-МАНСИЙСК

ЕКАТЕРИНБУРГ • ХАНТЫ-МАНСИЙСК
Издательский Дом «ИздатНаукаСервис»
2010

УДК 902(470)+902(4)+902(7)

ББК 63.4(2)+63.4(4)+63.4(7)

С 28

III Северный археологический конгресс. Доклады.

8–13 ноября 2010. Ханты-Мансийск.

III Northern Archaeological Congress. Papers.

November 8–13, 2010. Khanty-Mansiisk.

Екатеринбург: Издательский Дом «ИздатНаукаСервис», 2010. — 328 с.

ISBN 5-98123-039-8

Редактор

А. В. Головнёв

Edited by

A. V. Golovnev

Перевод

Т. В. Говорухина

Translated by

T. V. Govorukhina

Исследования выполнены по программам Президиума РАН
«Историко-культурное наследие и духовные ценности России»,
«Древнейшее наследие и истоки творческих начал человека»,
Интеграционному проекту УрО РАН и СО РАН «Культурная вариативность
на памятниках Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа»,
и Федеральной целевой программе
«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»

**Конгресс проводится на средства
Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры**

ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА:

Российский фонд фундаментальных исследований

СПОНСОР:

ИСКУССТВО,
САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
И МИФОРИУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

ART,
SACRAL ENVIRONMENT,
AND MYTH-RITUAL PRACTICES

Е. Г. ДЭВЛЕТ

НОВОЕ В ИССЛЕДОВАНИИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

В 2005–2008 гг. экспедицией ИА РАН проводилось полевое изучение самых северных в Азии петроглифов на р. Пегтымель (географические координаты 69°32' с.ш. и 174°32' в.д.). Заполярное местонахождение было обследовано и опубликовано Н. Н. Диковым [1969, 1971, 1992, Dikov 1999], позднее сведения о нем были дополнены усилиями других специалистов [Кирьяк 2001; Головнёв 2000; Питулько 2002; Слободзян 2004; Петроглифы Пегтымеля 2007]. Основное скопление изображений локализуются примерно на протяжении километра на сложенных песчаником и алевролитами скальных выходах на обрывистом правом берегу р. Пегтымель в 1 км ниже устья Кайкуульского ручья.

С учетом современных требований и технологий документировались все выявленные плоскости. Копирование осуществлялось прорисовкой на прозрачные материалы или эстампированием на микалентную бумагу, выполнялись резервные силиконовые копии петроглифов, фотодокументирование проводилось с помощью цифровых и пленочных камер, отрабатывались варианты консервационного вмешательства. Новацией стала трасологическая программа изучения техники выполнения петроглифов и материала орудий, примененных для их производства. При документировании фиксировались все сведения, характеризующие способы копирования петроглифов, а также их состояние сохранности, предпринятые расчистки и обработки. Значительное число плоскостей с петроглифами находятся в аварийном состоянии: происходит вывал камней с изображениями, разрушение скальной поверхности и интенсивное зарастание лишайником, гнездование птиц приводит к загрязнению и деструкции скал и т.п. Не обошлось и без антропогенного воздействия — посетительский вандализм затронул даже этот удаленный памятник.

Прорисовки наскальных изображений Кайкуульского обрыва в разные годы выполняли археологи Е. А. Миклашевич, к.и.н. А. Н. Мухарева (Кемеровский ГУ), архитектор А. М. Соротокина, в документировании принимал участие М. Б. Слободзян (Государственный Эрмитаж), реставрационные аспекты курировал А.В. Кочанович (ГосНИИР), трасологическую программу изучения — к.и.н. Е. Ю. Гиря (ИИМК РАН), минералогические определения подготовлены к.г.-м.н. И. В. Тиболовым (СПБГУ), видеоматериал выполнен В. Л. Солоницыным, фотофиксация И. Ю. Георгиевским (КарНЦ) и другими участниками проекта. Оуществить комплекс исследований без финансовой и организационной поддержки Президиума РАН, Правительства ЧАО, РГНФ (проект № 08-01-00102а) не представлялось бы возможным.

В предшествовавшие годы сложилась гипотеза о существовании, помимо хорошо известного основного местонахождения на Кайкуульском обрыве и недавно выявленного 12-го скопления, а также двух пунктов в 5 и в 10 км ниже по течению р. Пегтымель (рис. 1, 2), новых местонахождений петроглифов. Проверка достоверности сведений информаторов и проведенные разведки показали несостоительность этих предположений, но изучение самого Кайкуульского обрыва качественно и количественно существенно увеличило массив данных по наскальному искусству. В итоге насчитывается около 350 единиц локализации петроглифов — скальных плоскостей, условно названных камнями, сконцентрированных группами в 12-ти скоплениях на трех условных высотных ярусах — верхнем, среднем и нижнем. Значительное увеличение численности объектов произошло в ходе расчистки

поверхностей от рыхлых отложений, плодотворным оказалось обследование участков, прикрытых ветками кустарника. Особо следует отметить выявление на юго-западном склоне скопления IV трех отдельно лежащих массивных камней под треугольной формы. Каждый имеет изображения на двух смежных гранях, два из них, надо полагать, обнаружены перевернутыми (рис. 2, 1-3).

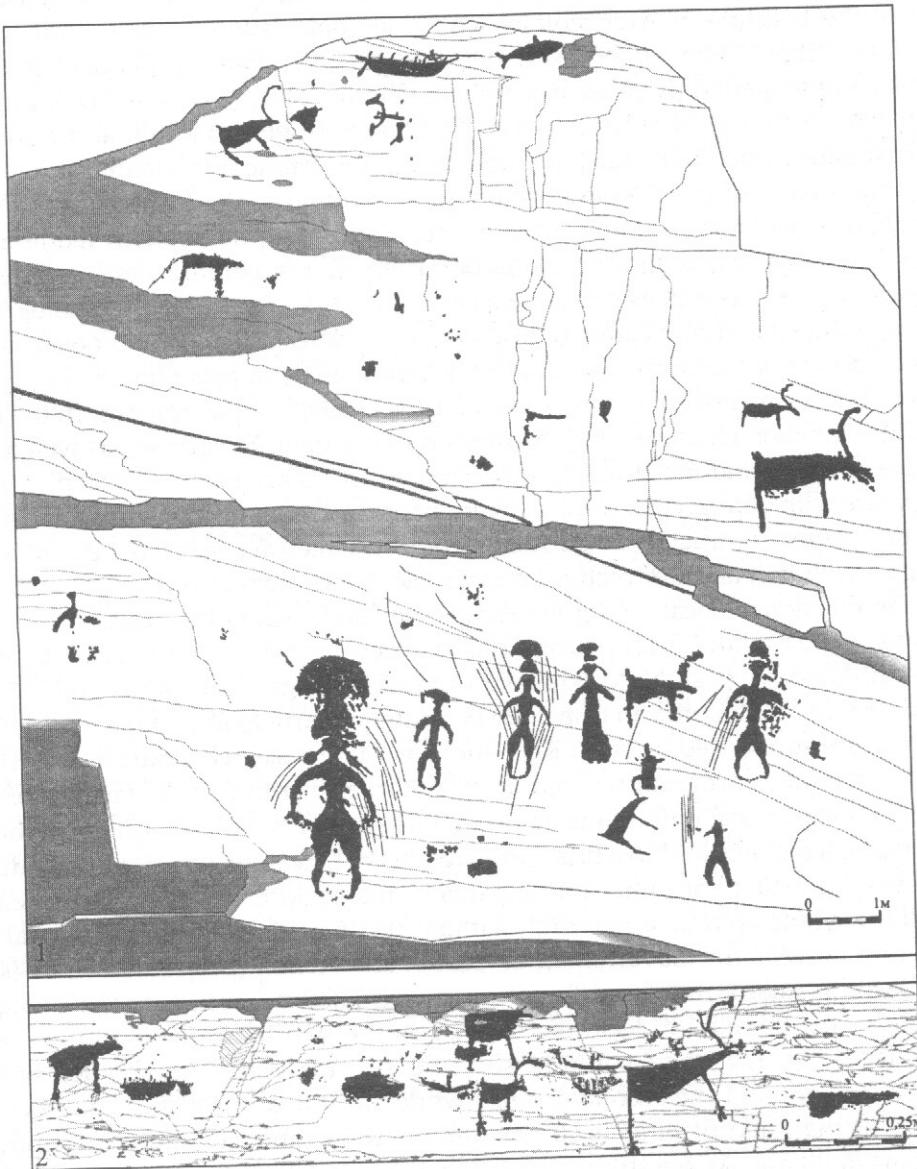

Рис. 1. Центральная плоскость в скоплении III (1); плоскость с петроглифами, расположенная в устье ручья Двурогого ниже по течению р. Пегтымель (2)

Fig. 1. Central panel on location III (1); panel with petroglyphs located in the Dvurogy stream estuary on the Pegtymel river (2)

... were found in upside down position (fig. 2, 4-5).

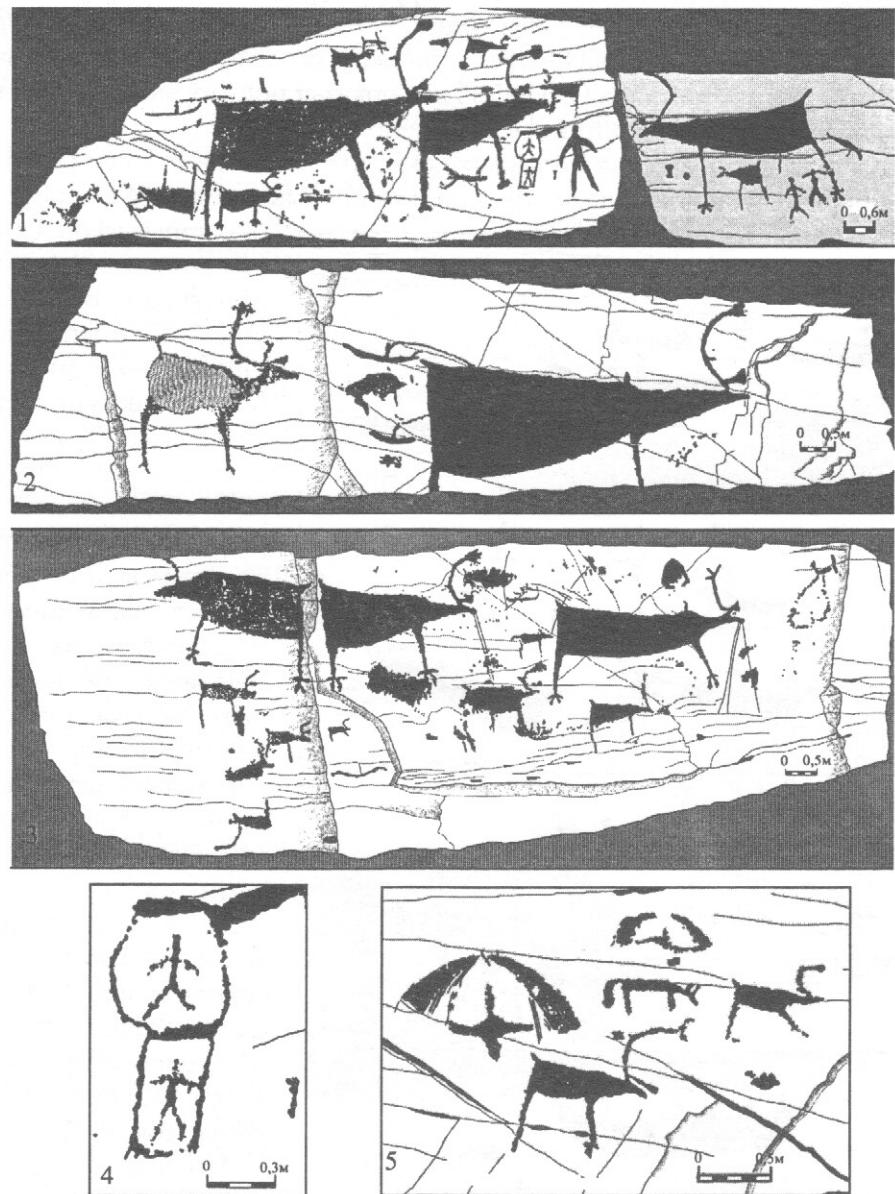

Рис. 2. Камни с изображениями на соседних гранях, расчищенные в скоплении IV (1-3); фрагменты с изображениями строительных конструкций (4-5)

Существенные результаты достигнуты благодаря снятию лишайника, так в скоплении I-II документирован новый массив информации, расширен круг образов, характерных для петроглифов Пегтымеля. Некоторые поверхности были расчищены от лишайника водой с помощью мягких щеток и кистей, на других применялись поверхностно-активные вещества с последующей промывкой водой. В связи с интенсивным биопоражением апробировался долговременный эффект локально примененного использования биодидов по методике, разработанной в ГосНИИР, как показал мониторинг, эффект расчисток сохраняется, нового роста лишайника не выявлено.

Деструкция скального массива привела к тому, что некоторые скальные обломки изменили свое первоначальное положение, происходил вывал камней с изображениями, некоторые из объектов «сползли» вниз по склону, три таких плиты даже оказались в воде (рис. 3, 6), хотя при понижении уровня реки они недолго бывают доступны для обзора (скопление V). В скоплении III выявлена группа камней в развале, составлявшая, вероятно, разрушившийся вертикальный скальный выход с петроглифами, располагавшийся к востоку от плоскости, на которой размещается одна из своего рода «титульных» групп с изображениями антропоморфных персонажей в грибовидных головных уборах, а также сцена морской охоты (рис. 1, 1). Два камня оказалось возможным совместить друг с другом: место соединения прослежено по сохранившимся фрагментам фигуры копытного животного и антропоморфного персонажа в грибовидном головном уборе (рис. 4, 4).

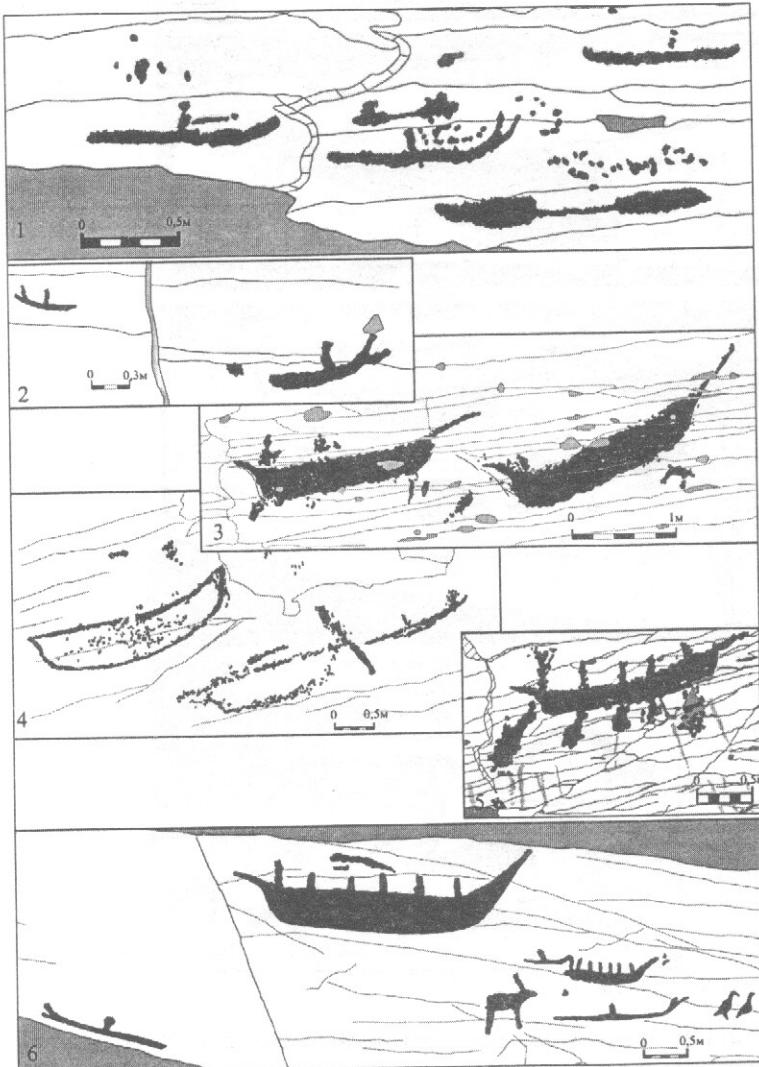

Рис. 3. Изображения каяков и байдар

Fig. 3. Kayaks and canoe images

В целом, образы и сюжеты петроглифов Пегтымеля гомогенны в силу особенностей хозяйствственно-культурного типа и природно-географической специфики региона. Анализ сюжетов показывает, что на

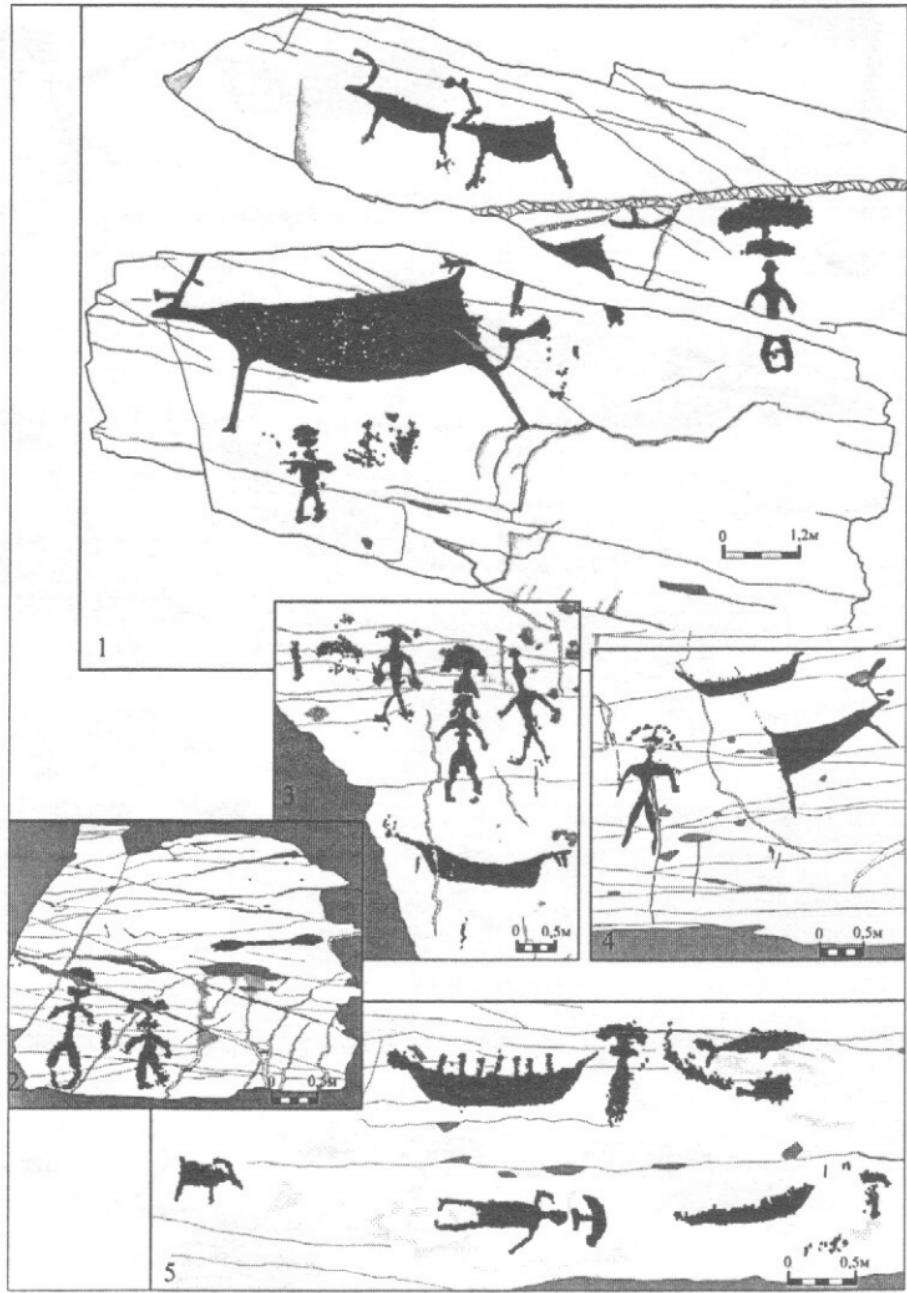

Рис. 4. Плоскости с изображениями мифологических человекоморфов

удаленном от побережья памятнике представлены как картины быта обитателей тундры, так и виды промыслов, связанных с приморским типом адаптации населения региона. Как и в мелкой пластике, тема тундры и моря неразрывно переплелась в искусстве петроглифов [Тишков 2008].

Преобладают силуэтные профильные изображения северных оленей, одиночных и в стаде. Чаще других повторяется сцена охоты на плывущего оленя с каяка (рис. 2, 1-3; 5, 2-4, 6; 6, 1; 7, 1, 3-4; 8, 1). В большинстве вариантов охотник из одноместной лодки поражает животное гарпуном, реже копьем на длинном древке, подобные сцены могут фигурировать

одиночно или быть включеными в более сложные сюжетные композиции. Часто показан линь гарпуна, натянутый или провисший, человек в небольшом каяке бывает просто обозначен вертикальным штрихом, но есть и иные варианты, когда и преследуемое животное реалистично проработано, и человек вместе со снаряжением и транспортным средством представлен более детально. Многие из фигур загарпуненных оленей показаны с задними ногами, опущенными ниже передних, как будто животное плывет по воде. Объект охоты порою непропорционально велик.

Этнографические источники свидетельствуют, что около столетия назад дикие олени, жившие постоянно в одних и тех же местах, большими стадами перекочевывали от лесных окраин в тундру. По древнему юкагирскому обычанию охота на суше строго запрещалась, и оленей били на переправе, которая ежегодна была в одном и том же месте. Добыча оленей на переправе перестала быть юкагирской прерогативой и по берегам рек охотники — чукчи, эвены

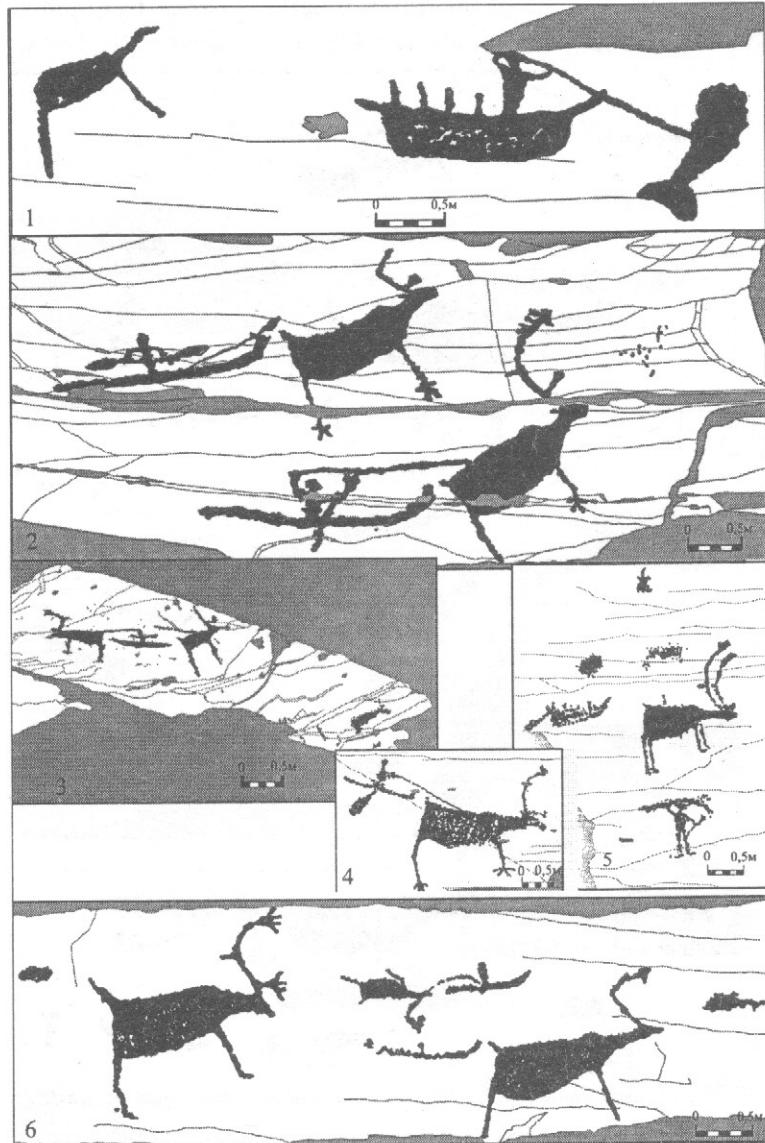

Рис. 5. Промысловые сцены

Fig. 5. Hunting scenes

arity of versions the hunter hit an animal with a harpoon from

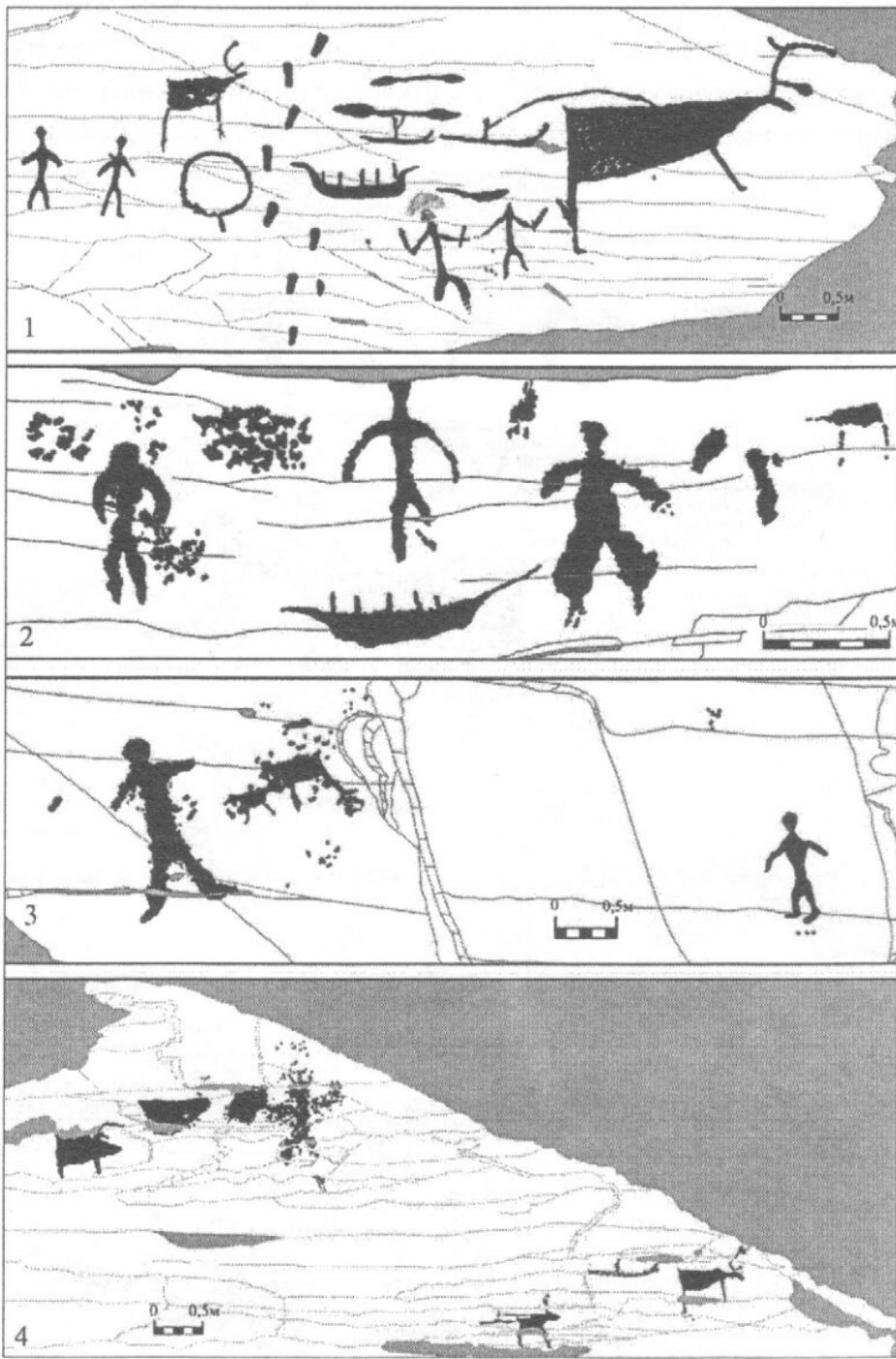

Рис. 6. Плоскости из скоплений I (1-2) и II (3-4) с изображениями антропоморфных персонажей

(ламуты), обрусевшие туземцы — группировались в артели по национальностям, устраивая засады несколько ниже переправы. «Когда стадо подойдет к реке, вожак обычно первый начинает переправу. Во время переправы стадо несколько сносится течением вниз. Когда олени достигнут середины реки, охотники бросаются в лодки и стремятся перерезать им путь. Испуганные животные кидаются вверх по течению, но силы их скоро истощаются... Тогда одна или две лодки подходят к стаду, чтобы отрезать отступление, и после этого начинается избиение оленей. Олени сбиваются в кучу и беспомощно плавают посередине реки. Люди в лодках приближаются к стаду и поражают оленей копьями с длинным древком и с маленьким железным наконечником, употребляемым только в этой охоте. Иногда для той же цели служит двухлопастное весло, один конец которого снабжается маленьким железным копьем. Такое оружие, правда, не слишком длинно, но довольно удобно. Избиение оленей совершается с невероятной быстротой, один человек может убить до сотни животных в час... Некоторые охотники, особенно искусные в гребле, проникают в середину стада и, поместив свою лодку между двумя большими самцами, поражают копьем всех оленей, которых могут достать... Старики, женщины и дети, собираясь ниже по течению реки, перехватывают добычу...» [Богораз 1991: 71-72].

Большинство изображенных сцен охоты на воде довольно схематичны, но есть и подлинные шедевры. Примером удачной передачи движения может служить, обнаруженная в 2008 г. динамичная сцена охоты с двух каяков на оленей, другая плоскость демонстрирует добычу двух оленей одним охотником. Уникален сюжет транспортировки оления, перевернутый корпус которого с каяком и гребцом соединяет линь (рис. 5, 2, 3, 6). Мотив перевернутого убитого (?) животного встречается

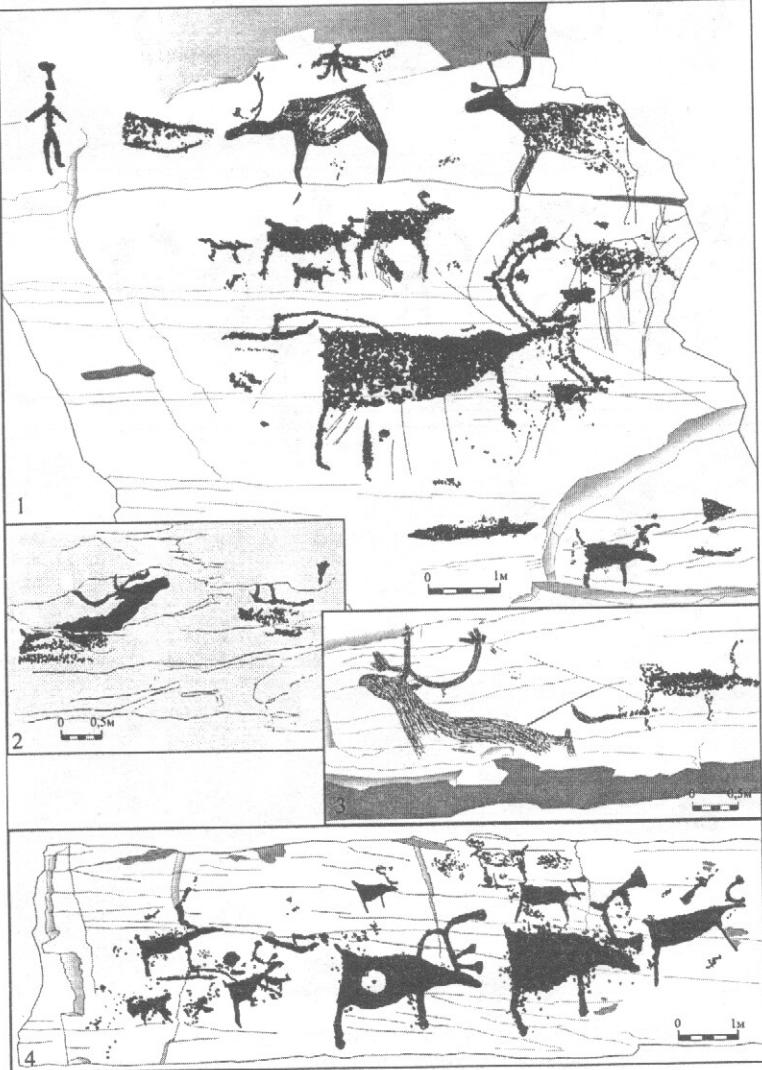

Рис. 7. Техника выполнения петроглифов Пегтымеля
Fig. 7. Pegtymel petroglyphs making technique

ople in boats come close to the herd and strike the deer with

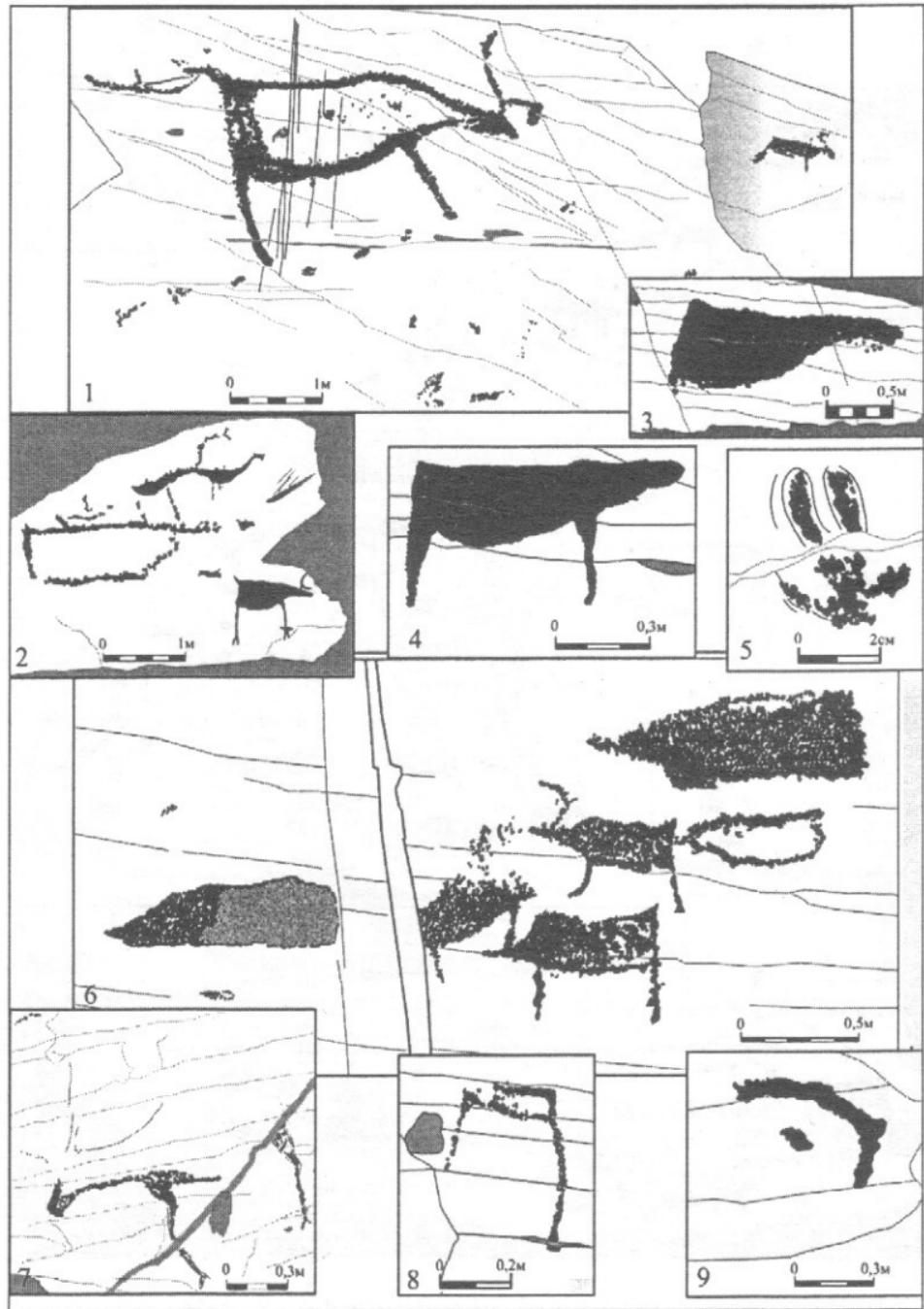

Рис. 8. Техника выполнения петроглифов

и в других группах (рис. 2, 1, 3). Подобным образом, по-видимому, побежденными или поврежденными, представлены и некоторые антропоморфные персонажи (рис. 4, 5; 2, 1).

Не имея возможности подробно охарактеризовать все особенности изображений оленей, отмечу вариативность поз (плывущие, пасущиеся с опущенными головами, отдыхающие олени с подогнутыми ногами, с опущенными копытами и др.) и стилистическое разнообразие. В группе могут соседствовать варьирующие по стилю фигуры. Иногда бывает показана только голова и часть спины животного — так выглядят олени в стаде, плывущие или выходящие из воды (рис. 7, 2-3). Встречаются изображения отпечатков копыт — своего рода символических заместителей животных (рис. 8, 5). Среди других изображенных копытных — лось, горный баран. Как изолированно, так и связанными с другими сюжетами, могут быть выполнены сцены преследования оленей волками или собаками (рис. 2, 5; 7, 1; 9, 1).

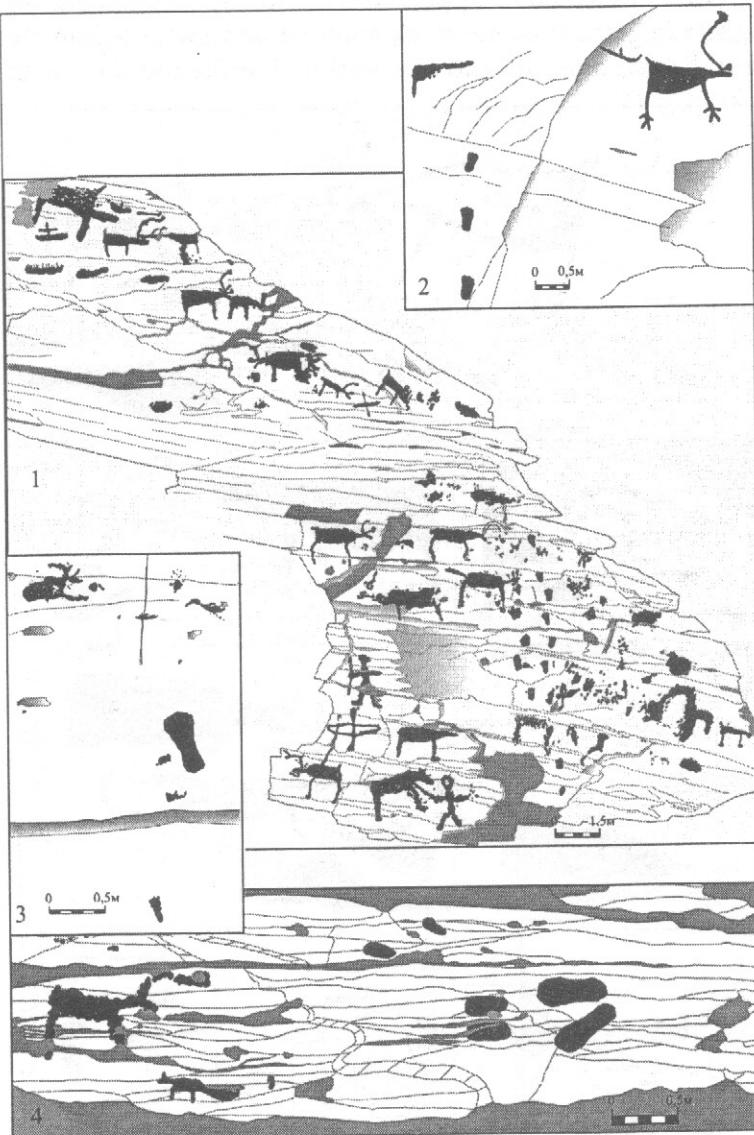

Рис. 9. Сцены с участием антропоморфных персонажей
Fig. 9. Scenes with the participation of anthropomorphic personages

Реже встречается пешая охота с копьем, пикой, рогатиной (рис. 10, 1) на медведя или лося, участниками сцен преследования могут быть собаки. Уникальна фигура лучника (рис. 9, 2). Имеется несколько изображений собак, волков, показаны бурые и белые медведи, росомахи, песцы, многообразны образы обитателей моря — китов, тюленей и др. Особое место занимают изображения птиц. Есть группы, состоящие исключительно из профильных фигур журавлей, отдельные силуэты этих пернатых могут быть включены в сюжетные сцены. Есть изображения и других птиц, представленные в многофигурных композициях и изолированно (рис. 3, 6; 8, 2; 9, 1).

- this was how the deer appeared in a herd while swimming or

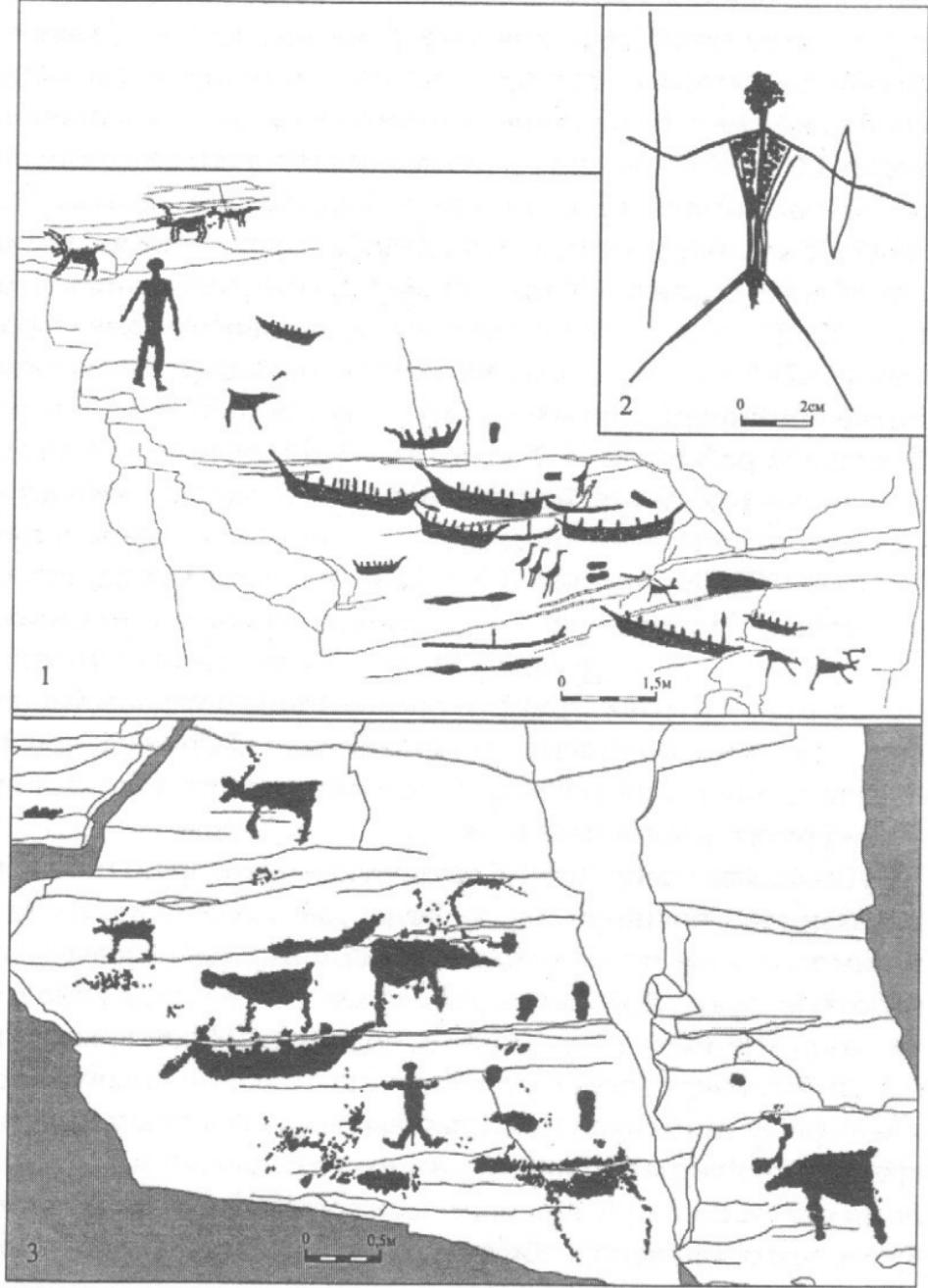

Рис. 10. Композиций с изображениями антропоморфных следов

Охотничьи сюжеты связаны не только с образом северного оленя, но и с морскими животными (рис. 1, 1; 5, 1), фигуры оленей и сюжеты их добычи могут сопутствовать композициям, связанным с морской охотой (рис. 9, 1). Для морских охотничьих сцен преимущественно характерен иной тип средств передвижения — изображались крупные байдары, команда которых чаще всего обозначена штрихами (прямыми или чуть загнутыми), реже это более проработанные антропоморфные фигуры (рис. 1, 1; 3, 3–6; 4, 3–5; 5, 1; 6, 1–2; 9, 1; 11, 1). Байдары могут быть снабжены кормовыми веслами. В композициях с байдарами встречен очень широкий круг образов и сюжетов: помимо собственно объектов охоты с байдар — китов и других обитателей моря — представлены олени, сцены охоты на оленей с каяков, медведи, разные птицы, волки/собаки, антропоморфные фигуры, люди-мухоморы, двулопастные весла, следы, каяки. Таким образом, разграничить сцены, связанные с тундрой и с морем, не представляется возможным. Высказывалось соображение, что наличие многоместных лодок в сценах охоты на оленей с каяков находит объяснение в том, что подобные лодки могли использоваться при коллективной охоте, подниматься вверх по течению реки и отсекать путь оленям на переправе: однако, сюжетный анализ не подтверждает этого суждения. Помимо байдар много изображений одноместных каяков, у многих вариантов этих транспортных средств показан раздвоенный нос (рис. 3, 1–2, 6), аналогичное раздвоение известно и в древней мелкой пластике, этнографически оно находит аналогии в алеутских каяках [Бронштейн 2009: 232]. Если в лодке обозначен человек, то ему может быть придано двулопастное весло, гарпун, копье. Благодаря раскопкам в Эквене было установлено, что в I тыс. н. э. существовало несколько родственных культур, но основной объект охоты разнился: оквицы охотились на тюленей и птиц, древнеберингоморцы — на моржей и оленей, пунукцы — на китов [Арутюнов, Сергеев 1975; Бронштейн 2009а: 218]. Аналогичная вариативность в механизмах адаптации существовала и позднее. Кочевники ли тундры при своих перемещениях воспринимали и отражали образы другой культуры, или важнейшие события, календарные праздники приводили жителей прибрежных районов к скалам Кайкуульского обрыва, которые все еще остаются единственным в своем роде местом разновременного «паломничества»? По всей видимости, петроглифы Пегтымеля — результат долговременного сложного кросскультурного взаимодействия.

Уникально изображение конструкции, которую можно интерпретировать как жилище, показанное в плане (рис. 2, 4). Этнографы сообщали о том, что в приморских чукотских и эскимосских селеньях можно найти руины так называемых «челюстных домов», которые, вероятно, очень древнего происхождения. Их стропила и балки сделаны из китовой кости, закрепленной в каменных основаниях. Некоторые из подобных жилых конструкций могли быть округлыми в плане — до 16 костяных опор образовывали правильный круг, к которому примыкал длинный вытянутый в плане зимний подземный проход. В летнее время он наполнялся водой, а в зимнее позволял меньше пропускать в жилье холода. Такие дома строились при помощи всех соседей, переходили из поколения в поколение и со временем оставлялись обитателями [Богораз 1991: 114–116]. Также встречены необычные знаки, которые предположительно можно интерпретировать как изображения конструкций, сооруженных с использованием костей кита (возможно, сушилок для лодок) (рис. 2, 5).

К повторяющимся знакам относятся антропоморфные следы, варьирующие от одиночных и парных до образующих цепочку, обозначающую путь, и даже заполняющих целое

пространство плоскости (рис. 4, 1; 9, 1, 3; 10). Единично воспроизведен след человека на лыжах. Идентификация некоторых из напоминающих одиночный след фигур вызывает сомнения, нельзя исключать, что это не след, а изображенный предмет материальной культуры.

Новый систематизированный материал заставляет по-новому взглянуть на образ человека в искусстве Кайкуульского обрыва – доминантного персонажа, удачливого охотника (рис. 4; 9–11). Несмотря на изобразительный схематизм, люди занимают в композициях место, заставляющее предполагать их деятельную роль. Много фигур в полный рост анфас с разведенными руками и ногами, трактованных весьма лаконично. Иногда обозначены элементы одежды. Контекст изображений заставляет полагать, что это мужчины, среди атрибутов – весла, каяки на плечах или на голове, оружие. Двулоапастные весла часто фигурируют как самостоятельный символический образ, соседствуя в композициях со значительным репертуаром образов, что не удивительно, поскольку, снабженные небольшим наконечником, они служили оружием при охоте на воде (рис. 3, 1; 4, 2; 6, 1; 9, 1; 11, 1).

Наиболее своеобразный сюжет пегтымельских петроглифов – антропоморфные фигуры, представленные анфас (хотя есть и одно уникальное профильное изображение), в грибообразных головных уборах, одиночные или входящие в композиции (рис. 1, 1; 4; 6, 1; 7, 1). Многие показаны в позе, имитирующей танец или движение. Гриб находится над головой или на голове антропоморфной фигуры, иногда заменяет голову, в некоторых случаях шляпки показаны ярусами. Обозначены ноги ступнями во внутрь или как бы расширяющиеся книзу ножки гриба. По бокам головы наиболее нарядных женских фигур проработаны косы или подвески, некоторые одеты в меховые комбинезоны-керкеры или одежда вовсе не обозначена. Эти фигуры Н. Н. Диков трактовал как изображения человекоподобных мухоморов, упоминаемых в мифологии чукчей и фольклоре ряда других северных народов. Не беря на себя труд анализировать альтернативные точки зрения, касающиеся идентификации данных персонажей, и опираясь на новые находки обращу внимание на их сюжетный контекст. На плоскостях с мифологическими мухоморами (известна и одиночная фигура) могут быть представлены: сопутствующие антропоморфные персонажи без грибообразного головного убора, знаки (окружности, следы и их цепочки, раскрытая ладонь с предплечием), северные олени и сцены охоты на них с каяка, другие копытные (в т.ч. парциальные и неоконченные фигуры), волки/собаки, медведи (?), двулоапастные весла, байдары, киты и другие обитатели моря.

Интересной особенностью некоторых групп пегтымельских петроглифов является наличие своеобразных расчесов на поверхностях с наскальными изображениями, эти подвертикальные или несколько выгнутые линии встречены на плоскостях с изображениями антропоморфных мухоморов (рис. I, 1), но нанесены они и в группах с другим сюжетным содержанием, где представлены многочисленные фигуры оленей, в том числе попарно обращенные морда к морде.

Видимо, изображения мифических человекомухоморов на скалах Кайкуульского обрыва связаны с обрядовой жизнью, получившей отражение в искусстве петроглифов, частью которой являлось ритуальное употребление галлюциногенных грибов [Дэвлет, Дэвлет 2006: 186–203]. В фильме А. В. Головнёва «Пегтымель» приводится рассказ недавно ушедшего из жизни деда Наталько, обитателя близлежащего к Кайкуульскому обрыву стойбища, о том, как могли бесчинствовать люди «под мухомором». В. Г. Богораз отмечал, что мухоморы

являются к людям в странной человекоподобной форме и уводят на тот свет, показывают, что там есть, проделывают самые невероятные вещи [Богораз-Тан 1939: 5]. Ю. Б. Симченко зафиксировал, что чукчи употребляли мухомор для общения с усопшими родственниками: «...мухомор тебя во сне спрашивает: “Ну, куда пойдем? Куда тебя тащить?”, — то он тебя всегда послушает. Тогда ему говоришь: “Веди меня к моему отцу...” Он сам все знает. Он знает, где твой отец, и прямо тащит тебя по дороге к мертвым людям» [Симченко 1993: 50–52]. О сложении комплекса шаманских представлений на Чукотке свидетельствует и новая находка — изображение схематичной антропоморфной фигуры с бубном (рис. 4, 4).

Весь массив наскального искусства Пегтымеля относится к петроглифам, изображения, выполненные краской или со следами использования пигмента здесь не выявлены. Подавляющее большинство изображений выбито, имеются фигуры выполненные с элементами пришлифовки и гравировкой. Завершенные петроглифы нанесены силуэтом, но контур выбитых изображений зачастую проработан углубленным желобком. Пикетаж многообразен по глубине и плотности, на некоторых мастерски выполненных фигурах оленей различается выбивка инструментом перпендикулярно плоскости и удлиненные следы ударов, нанесенные под углом, которые создавали имитацию шерсти изображенных животных. На миниатюрах представлен пикетаж металлическим инструментом типа толстой иглы или шила.

Некоторые изображения созданы с применением пришлифовки — в отдельных случаях контур корпуса животного остается выбитым, а тело слегка затертым (рис. 2, 2). Есть примеры использования гравировки в сочетании с пикетажем, но большинство подобных образцов относится к неоконченным фигурами — значительное число набросков, эскизов, незавершенных изображений является интересной особенностью памятника. На некоторых петроглифах отчетливо прослеживаются процрапанные тонкие линейные наброски контура будущего изображения — так автор делал разметку, которую затем предстояло заполнить выбивкой. Некоторые группы демонстрируют соседство набросков и завершенных изображений (рис. 7).

Серия примеров иллюстрирует последовательность выполнения фигуры (чаще всего оленя). Представлены экземпляры с полностью проработанным контуром, который затем начинал заполняться пикетажем (рис. 8, 1), есть и варианты альтернативных последовательностей — выбивка начинается со спины, с ноги или рогов животного, но работа прервана и не закончена (рис. 8). За частую подобные незавершенные фигуры расположены отдельно. В сложных композициях могут быть представлены преднамеренно неполные парциальные фигуры — таким приемом, по-видимому, автор стремился передать перспективу: из-за фигур помещенных на переднем плане животных видны лишь спины и головы расположенных позади них.

Для Н. Н. Дикова случаи перекрывания изображений, выполненных в разной технике, служили хронологическим маркером (рис. 9, 1–2). Поскольку сюжетные вариации в наскальном искусстве Чукотки весьма ограничены, а выделенные Н. Н. Диковым «изобразительные каноны» могли и не иметь хронологической последовательности, в предпринятом исследовании существенное внимание было уделено изучению техники выполнения изображений и материала орудий, которыми они могли быть нанесены. Задача применить сложившиеся в трасологии методики и подходы к материалу наскального искусства

Чукотки ставилась перед сотрудником экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН к.и.н. Е. Ю. Гирей.

Очевидно, что использование каменных орудий должно было дать значительное количество чешуек и отщепов, которые потенциально могли сохраниться перед плоскостями с изображениями в том случае, если они не были перемещены под действием природных сил. С учетом последнего обстоятельства была выбрана площадка перед вертикальной плоскостью с многочисленными антропоморфными мухоморами и сценой морской охоты (рис. 1, 1). В результате промывки грунта из заложенного шурфа размерами 4 кв. м были добыты многочисленные фрагменты кварца, которые при дальнейшем исследовании под микроскопом не выявили следов антропогенного расщепления или иного использования. Дальнейшие исследования убедили нас в том, что композиция на данной плоскости выполнена металлическими инструментами.

Поскольку местный кварц, выходы которого отчетливо видны на Кайкуульском обрыве, Н. Н. Дикову представлялся наиболее вероятным материалом для изготовления орудий, которыми нанесены наскальные изображения Петгымеля, была предпринята экспериментальная попытка его использования для выполнения изображений пикетажем. В результате была получена серия экспериментальных следов пикетажа на поверхности отдельных блоков местного камня, а также зафиксированы изменения, которые происходили с самим кварцевым орудием при прямом пикетаже, а также при работе с использованием ударника. Конец кварцевого орудия практически сразу начинал видоизменяться, следы ударов получались разнофигурные, подправленное орудие видоизменялось с той же интенсивностью. На экспериментальном участке оставалось множество фрагментов кварца. Ударник, которым служили местные гальки, приобретал следы использования — на локальной площадке возникали характерные следы работы по камню. Аналогичное орудие, которое заманчиво связать с выполнением петроглифов, было обнаружено между верхними ярусами скоплений I и II и расположенной выше частично раскопанной Н. Н. Диковым стоянкой. Галька подтреугольной формы имеет следы сработанности, характерные при применении в качестве ударника при работе по каменному посреднику.

Использование материалов экспериментов с каменным орудием для сравнения с массивом наскальных изображений показывает, что лишь незначительная часть исторических петроглифов демонстрирует сопоставимые следы выполнения. Это, как правило, отдельные нефигуративные пятна в композициях, а также некоторые довольно грубо, со стилистической точки зрения, нанесенные изображения (рис. 11, 2), наличие которых можно объяснить не столько относительной хронологией, сколько индивидуальной слабой подготовленностью того, кто взялся за создание рисунка — многие из них так и остались незавершенными.

Иначе выглядит основной массив петроглифов, которые в значительном большинстве выполнены неглубоким одинаковым по размеру пикетажем. Согласно проведенным экспериментам, подобные стандартизованные следы могли быть получены лишь при работе металлическим инструментом. Моделирование работы показало непригодность 7 % оловянной бронзы — такое орудие сминалось при первых же ударах. Применением орудия из железа получены эталонные следы, практически тождественные зафиксированным на выбитых петроглифах Кайкуульского обрыва. Как и следовало ожидать, на ударнике после работы с металлическим инструментом следов не остается.

По результатам пегтымельских экспериментов основным диагностирующим признаком, отличающим следы ударов, оставленные каменным орудием-посредником, от следов работы орудием из железа является быстрое изменение рабочей части каменного инструмента, следы от которого динамично трансформируются от подокруглых или подквадратных к вытянутым линейным. Другой важный признак применения каменного орудия – широкое входное отверстие и отсутствие резких перепадов между пиками и депрессиями. Существенное отличие получают орудия-ударники, которые применялись с посредником из камня или металла, четко читаются следы сработанности (концентрация выбоин и грубых царапин) исключительно на тех ударниках, которыми работали с каменным посредником. При работе с посредниками из металла или каменными теслами в роговых рукоятях подобные следы не образуются.

Таким образом, помимо традиционных наблюдений и описаний для исследования техники выполнения петроглифов был привлечен разнообразный круг источников: выполнена шурфовка с последующей промывкой для выявления орудий и их фрагментов, разработаны специфические приемы и методы наблюдения, документирования и анализа следов орудий, которыми были выполнены петроглифы. В результате целенаправленных экспериментально-трасологических работ на Кайкуульском обрыве были отработаны приемы создания стабильного косонаправленного освещения, необходимого для достоверного определения контуров и особенностей изображений, расположенных на вертикальных скальных поверхностях, а также следов орудий, примененных для их нанесения. Методика выполнения контактных силиконовых оттисков фрагментов поверхностей со следами пикетажа с предварительной защитой скальной плоскости при помощи разделительного слоя позволила получить материал для последующего анализа следов при макроувеличении.

С силиконовых оттисков изготавливались тесты из гипса высокой твердости, пригодные для лабораторного изучения искусственной модификации рельефа камня. Характер следов орудий, сохранившихся в результате выполнения петроглифов, документировался и исследовался в плане и в профиле при помощи линейной тени. В результате, удалось получить макроснимки искусственного рельефа поверхности и описать различия между следами, оставленными каменными орудиями, и нанесенными металлическим инструментом. Разработка критериев выявления указанных отличий подкреплялась документированием следов экспериментального пикетажа на обломках скал из сходных горных пород и минералогическими заключениями.

В результате трасологической программы изучения техники выполнения петроглифов и материала орудий, примененных для их производства, установлено, что подавляющее большинство изображений в охваченной выборке выполнено металлическими орудиями, хотя есть отдельные примеры петроглифов, выполненных каменным инструментом (рис. 11, 2) [Гиря, Дэвлет 2008]. Итогом работы стала разработанная методика документирования следов орудий, которыми были выполнены петроглифы, которая уже апробировалась и в дальнейшем может быть применена и на других местонахождениях наскального искусства [Гиря, Дэвлет 2010].

Стилистический анализ позволил Н. Н. Дикову, новаторское исследование которого вызывает глубокое уважение, выделить 5 изобразительных канонов и соотносимых с ними изображений, которые он датировал от II тыс. лет. до н. э. Предложенная пятиступенча-

тая типология изображений оленей («стиль оленевых силуэтов») группировала известный исследователю статистически обработанный массив петроглифов в хронологической последовательности от реалистичных к более схематизированным. Опору в выделении стилей Н. Н. Диков также находил в удаленных аналогиях и представлениях современного ему этапа развития науки о наскальных изображениях, приверженной стадиальным стилистическими тенденциями от реализма к схематизации. Более детальное изучение регионов наскального искусства в значительной мере поколебало представления о линейной тенденции в развитии изобразительных стилей, преодолением этого противоречия стала концепция Д. Г. Савинова об изобразительных пластиах [Савинов 2008: 73–74]. По формальным признакам типология Н. Н. Дикова корректно расчленяла совокупность данных по избранным исследователем критериям, но о хронологических границах бытования выделенных стилей судить весьма затруднительно.

Существенную роль играет новый массив данных, которые не столько меняют приведенную Н. Н. Диковым статистику, сколько сделанные им наблюдения. Например, в обнаруженную в скоплении V промысловую композицию включено реалистически выполненное изображение оленя (рис. 1, 3), что противоречит представлению Н. Н. Дикова о том, что подобные фигуры встречаются лишь вне сцен добычи оленей [Диков 1971: 33]. Двупастные весла не обязательно сопровождают фигуры оленей (рис. 3, 1), что диктует канон 5 (олень+весло по Н. Н. Дикову), подразумевающий их обязательное сочетание. Точной отсчета для построения хронологии петроглифов Пегтымеля на основе местных реалий материальной жизни стало изображение, трактовавшееся как поворотный гарпун. Изучение плоскости, на изображения которой ссылается исследователь (рис. 11, 1), показало, что расцененный им как изображение стабилизатора гарпуна элемент группы, является фрагментом палимпсеста: линию рогов крупного изображения северного оленя перекрывает силуэт многоместной байдары, с которой, вероятно, ведется преследование кита. Из-за наложения изображений рог оленя практически примыкает к хвосту кита — он и был принят за изображение стабилизатора. В настоящее время среди пегтымельских петроглифов встречены многочисленные сюжеты охоты с гарпуном, однако изображений так называемых «крылатых предметов» или стабилизаторов выявлено не было.

Анализ материала показывает, что петроглифы Пегтымеля имеют сложную хронологию. В рамках текущего исследования вне стилистических реконструкций нам пока удалось опереться лишь на трасологическое определение металлических инструментов, которыми выполнены выбитые изображения, что само по себе существенно омолаживает весь корпус петроглифов Пегтымеля.

Если рассматривать состояние наскальных изображений как косвенного хронологического маркера, необходимо отметить существенные отличия в степени патинизации, эродированности поверхностного слоя, развитии трещин и обрастателей. К сожалению, как и в других регионах, а может быть даже и в большей степени, условия арктической зоны не дают нам однозначного ответа, с какой интенсивностью протекают эти процессы. Хотя известно, что культурный слой в арктической зоне может накапливаться чрезвычайно медленно, у нас есть косвенные свидетельства того, что отложение коллювия, развитие обрастателей могло динамично приводить к тому, что блоки камня оказывались надежно скрытыми природными процессами не за столь уж продолжительное время. Примером может служить камень из скопления IV, который был полностью засыпан грунтом, верхняя

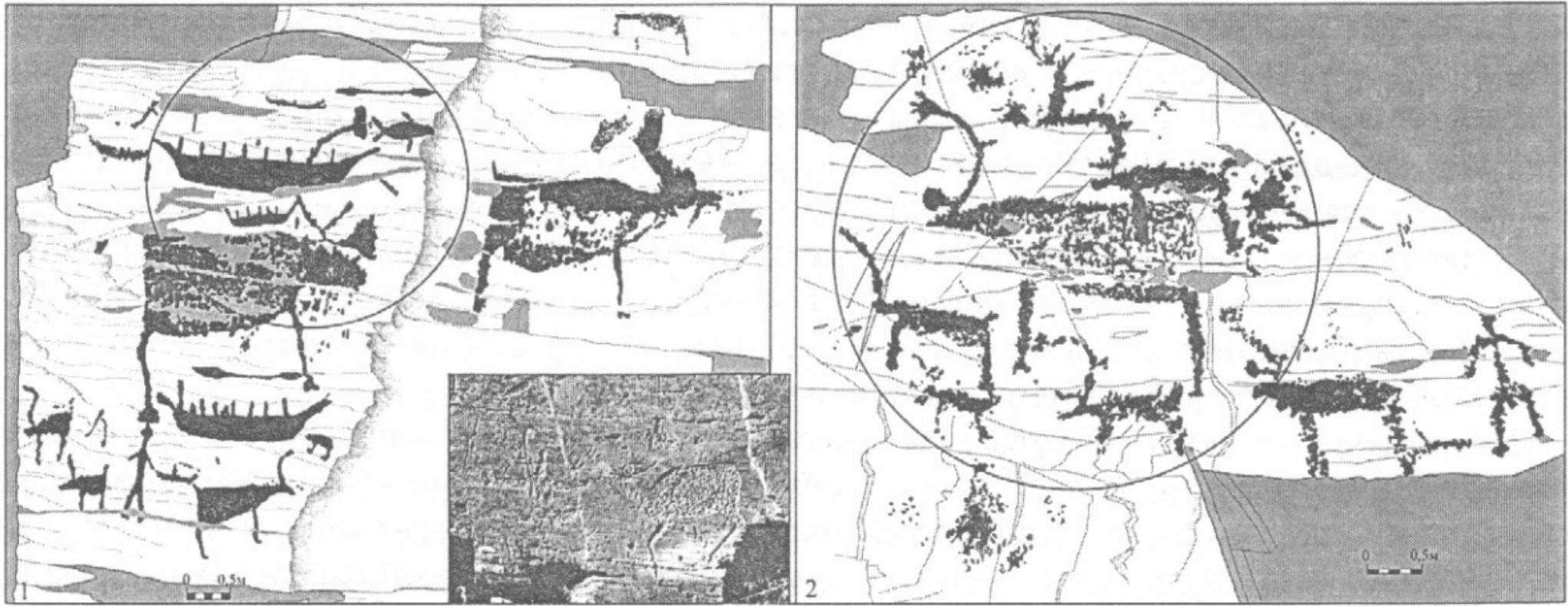

Рис. 11. Плоскости с палимпсестами, послужившие хронологическими маркерами для Н. Н. Дикова (1-2); фрагмент плоскости, расчищенной в скоплении V (3)

его часть интенсивно заросла мхом, лишайником и была прикрыта кустарником (рис. 2, 1). Тем не менее, обнаруженные в расчистке фрагменты рогов северного оленя, имели возраст лишь около 160 лет, так что склоновые процессы, могли иметь весьма позднюю интенсивность. Предпринятые расчистки и наблюдения за их результатами на камне, раскопанном сорок лет назад [Диков 1971: 36], и на других расчищенных объектах показали, что они могут быть за год закрыты грунтом.

Пегтимельские петроглифы заставляют обратиться к теме, каждое ли скопление петроглифов является памятником монументального искусства, всегда ли святилища под открытым небом подразумевают публичность в экспозиции изображения. Обследование показывает, что часть ситуационных групп, по-видимому, предполагали возможность доступа большой группы людей и обзора с удобных точек. Уникальная сцена представлена на торце лежащей на берегу массивной плиты. Помимо многочисленных фигур оленей центральное место занимает сюжет добычи особого оленя отмеченного символом в виде круга с точкой в центре (рис. 7, 4). Среди сотен пегтимельских изображений северных оленей подобная фигура отмеченного животного единственная. У многих северных народов олень особой окраски посвящался богам. Камень, на торцевой грани которого древний мастер выбрал данную группу, вероятно, привлекал необычной, напоминающей песочные часы, формой, что могло придавать ему особое значение в глазах создателей петроглифов, делая его своеобразным природным «алтарем» [Дэвлет, Дэвлет 2006: 272–312].

Другие скопления словно умышленно скроены в расщелинах. Отдельные сцены удивляют своей локализацией: нанести их, сидя на крохотном, расположенным на высоте карнизе, можно только из личной доблести. Сложность подхода, размеры петроглифов и потенциал их публичного обзора ничтожно малы по сравнению с предпринятыми усилиями. Такие сцены не сводятся к изображению добычи оленя на переправе, в них могут быть представлены волки, отдельные лодки, сцены морской охоты и другие мотивы.

На протяжении столетий и даже тысячелетий разные поколения людей возвращались на Кайкуульский обрыв, создавая петроглифы на скальных выходах, маркируя таким образом священную сущность камня. У многих народов некоторые камни и скалы становились объектом культа, в особенности те из них, которые отличала особая форма или на них имелись древние рукотворные изображения или надписи. Подобный объект представляется как бы вместе силицем дополнительной силы, которая сообщает ему ценность и наделяет особым смыслом. Недвижимое, неуязвимое на памяти поколения нагромождение скал — антитеза бренности человеческой жизни, упадку, распаду, хрупкости благополучия. Реальность священной сущности камня, неподвластного разрушительному воздействию времени, усиливается, благодаря наскальным изображениям.

Наскальное искусство является уникальным историческим источником. Изображения, выполненные на камне — наиболее долговечном природном материале, не утрачивая своего природного контекста, становятся постоянными героями в меняющихся от сезона к сезону декорациях. Будучи овеществленным проявлением духовной жизни людей, своего рода «застывшим мифом», они доносят до нас и реалии повседневности, биение жизни угадывается в сценах охотничьего промысла. Чаяния и стремления обитателей сурового края оставались относительно стабильными — об этом говорят различающиеся по времени создания сцены охоты, лейтмотивом проходящие сквозь века.

Изучение наскального искусства, неотъемлемой составляющей сокровищницы мировой культуры, открывает окно в мир прошлого, искусство — мостик между культурами и тысячелетиями. Помимо научного документирования, задачей проекта стала популяризация современными средствами петроглифов Кайкуульского обрыва через создание резервных копий наскальных изображений с помощью современных реставрационных технологий, которые не только позволяют составить представление об оригиналах в случае их утраты (а это, к сожалению, нередко случается), но и дистанционно приобщаться к образам наскального искусства [Кочанович, Дэвлет 2006: 47–50]. Так стала формироваться экспозиция, знакомящая с искусством на скалах Чукотки.

Выставка фотографий, макелентных эстампажей и объемных копий-отливок, выполненных по силиконовым матрицам, уже имеет свою историю: начиная с 2006 г. она экспонировались в различных городах. Выставочные материалы также передаются для постоянного экспонирования в Музейный центр «Наследие Чукотки» в Анадыре, где они пользуются неизменным вниманием посетителей [Петроглифы Пегтымеля 2007 (CD)]. Отливки были подарены музею города Певека, а копия плоскости с одной из лучших композиций Кайкуульского обрыва передана в Музей антропологии МГУ в связи с его 125-летием. Использованы копии в проекте ГИМ, ориентированном на слабовидящих детей — природный рельеф, который хорошо передают отливки, позволяет детям руками проследить контуры изображений. Плодотворно сложилось сотрудничество с «Кочующим северным кинофестивалем»: передвижная экспозиция, в которую были включены материалы по наскальному искусству Севера, была представлена в рамках общественных мероприятий России, связанных с ее председательством в 2008–2009 гг. в Баренцевом Евроарктическом регионе, на Совете Высших должностных лиц Баренцрегиона, которое проводилось в Москве, а также на арх. Шпицберген и в г. Кировске. В связи с объявленным ООН Международным Полярным годом в марте 2008 г. выставка экспонировалась в Информационном Центре Организации Объединенных наций в Москве. Хочется надеяться, что мир образов наскального искусства Чукотки станет не только составляющей научного достояния, но и актуальной частью мирового историко-культурного наследия.

- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. [Arutyunov S. A., Sergeev D. A.]. 1975. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник) [Problems of the ethnic history of the Bering Sea (Ekven burial site)]. М.: Наука.
- Богораз-Тан В. Г. [Bogoraz-Tan V. G.]. 1939. Чукчи. Религия [Chukchi. Religion.] Ч. II. Л.: Изд-во Главсевморпути.
- Богораз В. Г. [Bogoraz V. G.]. 1991. Материальная культура чукчей [Material culture of the Chukchi]. М.: Наука.
- Бронштейн М. [Bronstein M.]. 2009. Этюды о загадочных вещах [Notes on mysterious things] // Чукотка в прошлом и настоящем / Наследие народов Российской Федерации. Вып. 11. М: НИИЦентр. С. 226–234.
- Бронштейн М. [Bronstein M.]. 2009а. Многоликий Эквен [The Multi-faced Ekven] // Чукотка в прошлом и настоящем / Наследие народов Российской Федерации. Вып. 11. М: НИИЦентр. С. 218–225.

-
- Гиря Е. Ю., Дэвлет Е. Г. [Girya E. Y., Devlet E. G.]. 2008. Трасологическое исследование петроглифов Пегтымеля [Use-wear analysis of Pegtymel petroglyphs] // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. Т. III. М.: ИА РАН. С. 12-15.
- Гиря Е. Ю., Дэвлет Е. Г. [Girya E. Y., Devlet E. G.]. 2010. Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем [Some results of the development of methodology for the study of pecked petroglyphs technique] // Уральский исторический вестник № 1(26). Екатеринбург. С. 107-118.
- Головнёв А. В. [Golovnev A. V.]. 2000. Пространственный анализ петроглифов Пегтымеля (по полевым наблюдениям 1999 г.) [Spatial analysis of the Pegtymel petroglyphs (1999 field observations)] // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск. С. 185-188.
- Диков Н. Н. [Dikov N. N.]. 1969. Проблема этнической принадлежности пегтымельских петроглифов [Problem of the ethnic attribution of the Pegtymel petroglyphs] // Этногенез народов Северной Азии. Матер. конф. Вып. 1. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР. С. 125-127.

- Диков Н. Н. [[Dikov N. N.]. 1971. Наскальные загадки древней Чукотки. [Rock art puzzles of ancient Chukotka]. Петроглифы Пегтымеля. М.: Наука.
- Диков Н. Н. [Dikov N. N.]. 1992. Пегтымельские петроглифы – уникальный археологический памятник Заполярной Чукотки [Pegtymel petroglyphs – the unique archeological site of the Polar Chukotka] // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск: Наука. С. 44–49.
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. [Devlet E. G., Devlet M. A.]. Мир наскального искусства. [World of Rock Art]. М.: Алетейя, 2006.
- Кирьяк М. А. [Kir'yak M. A.]. 2001. Пегтымельские петроглифы как этнокультурный источник [Pegtymel petroglyphs as the ethno-cultural source] // Диковские чтения. Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Н. Н. Дикова. Магадан: ДВО РАН. С. 81–88.
- Кочанович А. В., Дэвлет Е. Г. [Kochanovich A. V., Devlet E. G.]. 2006. Об изготовлении резервных и выставочных копий петроглифов Кайкуульского обрыва [On the making of back-up and exhibition copies of the Kaikuul Bluff petroglyphs] // Пегтымельская тетрадь. М.: ИА РАН. С. 47–50.
- Петроглифы Пегтымеля. [Pegtymel petroglyphs]. 2007. СПб.: ЗАО «Антартсат».
- Петроглифы Пегтымеля. [Pegtymel petroglyphs]. 2007. (CD). М.:ИА РАН.
- Питулько В. В. [Pitulko V. V.]. 2002. Пегтымельские петроглифы: датировка и события [Pegtymel petroglyphs: dating and events] // II Диковские чтения. Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Дальстроя. Магадан: ДВО РАН. С. 408–415.
- Савинов Д. Г. [Savinov D. G.]. 2008. Изобразительный пласт как форма существования и изучения наскального искусства (по материалам Центральной Азии и Сибири) [Graphic layer as a form of existence and study of the rock art (on the Central Asian and Siberian materials)] // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. Т. III. М.: ИА РАН. С. 73–74.
- Симченко Ю. Б. [Simchenko Y. B.]. 1993. Обычная шаманская жизнь. Этнографические очерки [Ordinary life of a shaman. Ethnographic essays] // Российский этнограф. Вып. 7. М.: ИИОН РАН.
- Слободзян М. Б. [Slobodzyan M. B.]. 2004. Петроглифы Пегтымеля (по результатам исследований последних лет) [Petroglyphs of Pegtymel (results of the recent research)] // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во АГУ. С. 467–471.
- Тишков В. А. [Tishkov V. A.]. 2008. Тундра и море. Чукотско-эскимосская резьба по кости [The tundra and the sea. The Chukchi-Eskimo ivory carving]. М.: Индрик.
- Devlet E. 2008. Rock Art Studies in Northern Russia and the Far East, 2000–2004 // Rock Art Studies. News of the World. Vol. III. UK: Oxbow. P. 120–137.
- Dikov N. N. 1999. Mysteries in the Rocks of Ancient Chukotka (Petroglyphs of Pegtymel'). Anchorage: U.S. Dept. of the Interior, National Park Service, Shared Beringian.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ – Алтайский государственный университет
АмГУ – Амурский государственный университет
АН – Академия наук
АО – Археологические открытия
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии
БГПУ – Благовещенский государственный педагогический университет
БНЦ – Бурятский научный центр
Бур. КНИИ – Бурятский краевой научно-исследовательский институт
ВОГиС – Вавиловское общество генетиков и селекционеров
ГосНИИР – Государственный научно-исследовательский институт реставрации
ГУ – Государственный университет
ДВНЦ – Дальневосточный научный центр
ДВО – Дальневосточное отделение
ИА – Институт археологии
ИАЭ – Институт археологии и этнографии
ИИА – Институт истории и археологии
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИИФФ – Институт истории, филологии и философии
ИКОМОС – Международный Совет по вопросам памятников и достопримечательных мест
ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам
ИПЭС – Институт прикладной экологии Севера
ИСО – Известия Сибирского отделения
КарНЦ – Карельский научный центр
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МАЭ – Музей археологии и этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИИ – Научно-исследовательский институт
ОмГУ – Омский государственный университет
РАН – Российская академия наук
РГНФ – Российской гуманитарный научный фонд
СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников
СО – Сибирское отделение
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
Тр. ЗИН – Труды Зоологического института
УНИДРУА – Международный институт унификации частного права
УрО – Уральское отделение
ФЦП – Федеральная целевая программа
ЧАО – Чукотский автономный округ

ChAO – Chukotka Autonomous Okrug
EestiNSV – Eesti Nõukogude Sotsialistlik Vabariik
(Эстонская Советская социалистическая республика, Estonian Soviet Socialist Republic)
ICOMOS – International Council on Monuments and Sites
KarRC – Karelian Research Centre
RAS – Russian Academy of Sciences
RFN – Russian Foundation for the Humanities
RHRG – Russian Humanities Research Grant
UNIDROIT – International Institute for the Unification of Private Law
UrB – Ural Branch

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бугров Дмитрий Витальевич (*Екатеринбург, Россия*) — кандидат исторических наук, ректор Уральского государственного университета. E-mail: Dmitry.Bugrov@usu.ru

Герасимов Дмитрий Владимирович (*Санкт-Петербург, Россия*) — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. E-mail: dger@kunstkamera.ru

Гиря Евгений Юрьевич (*Санкт-Петербург, Россия*) — кандидат исторических наук, Институт истории материальной культуры РАН. E-mail: kostionki@narod.ru

Головнёв Андрей Владимирович (*Екатеринбург, Россия*) — член-корреспондент РАН, Институт истории и археологии УрО РАН. E-mail: Andrei_Golovnev@bk.ru

Дэвлет Екатерина Георгиевна (*Москва, Россия*) — доктор исторических наук, Институт археологии РАН. E-mail: eketek@yandex.ru

Зеленцова Ольга Викторовна (*Москва, Россия*) — кандидат исторических наук, Институт археологии РАН. E-mail: Olgazelentsova2010@yandex.ru

Клеурос Александра (*Бостон, США*) — доктор, Археологический институт Америки. E-mail: illyria@charter.net

Корякова Людмила Николаевна (*Екатеринбург, Россия*) — доктор исторических наук, Институт истории и археологии УрО РАН E-mail: Ludmila.Koryakova@usu.ru

Крадин Николай Николаевич (*Владивосток, Россия*) — доктор исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: kradin@mail.ru

Крийска Айвар (*Тарту, Эстония*) — профессор Университета Тарту. E-mail: aivar.kriiska@ut.ee

Лисицын Сергей Николаевич (*Санкт-Петербург, Россия*) — кандидат исторических наук, Институт истории материальной культуры РАН. E-mail: SergLis@rambler.ru

Медведев Виталий Егорович (*Новосибирск, Россия*) — доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН. E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

Молодин Вячеслав Иванович (*Новосибирск, Россия*) — академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН. E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Питулько Владимир Викторович (*Санкт-Петербург, Россия*) — кандидат исторических наук, Институт истории материальной культуры РАН. E-mail: pitulkov@gmail.com

Савинов Дмитрий Глебович (*Санкт-Петербург, Россия*) — доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: lazarevskaya_n@mail.ru

Фитцхью Вильям (*Вашингтон, США*) — доктор, директор центра Арктических исследований, Смитсониевский институт. E-mail: Fitzhugh@si.edu

Чемякин Юрий Петрович (*Екатеринбург, Россия*) — кандидат исторических наук, Уральский государственный университет. E-mail: yury-che@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОСВОЕНИЕ ЧЕЛОВЕКОМ ЦИРКУМПОЛЯРНОЙ ЗОНЫ В ПЛЕЙСТОЦЕНЕ И ГОЛОЦЕНЕ	
В. В. Питулько ОХОТНИКИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА: РАССЕЛЕНИЕ И АДАПТАЦИИ В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТЫХ ПРОСТРАНСТВ СЕВЕРА СИБИРИ	6
Д. В. Герасимов, А. Крийска, С. Н. Лисицын ОСВОЕНИЕ ПОБЕРЕЖЬЯ ФИНСКОГО ЗАЛИВА БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В КАМЕННОМ ВЕКЕ	28
В. Е. Медведев НЕОЛИТ АМУРСКОГО БАССЕЙНА	54
Е. Ю. Гиря ИЗУЧЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО- ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	92
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В ДРЕВНОСТИ	
Л. Н. Корякова, В. И. Молодин КУЛЬТУРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ: СТАРАЯ ПРОБЛЕМА В НОВОЕ ВРЕМЯ	110
В. В. Фитцхью ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ПЕРЕМЕН: КУЛЬТУРНАЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА НА СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЕ ЛЕСОВ	142
ИСКУССТВО, САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И МИФОРИТУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА	
Д. Г. Савинов К ОПРЕДЕЛЕНИЮ САКРАЛИЗОВАННОГО ПРОСТРАНСТВА	164
Е. Г. Дэвлет НОВОЕ В ИССЛЕДОВАНИИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ	180
КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР	
А. В. Головнёв КОЛОНИЗАЦИЯ В ДРЕВНОСТИ	210
Н. Н. Крадин СЕВЕР И ЮГ В ДИНАМИКЕ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ: ДВИЖЕНИЕ ЛЮДЕЙ, ИМПЕРИЙ И ТЕХНОЛОГИЙ	236
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕСУРС	
Д. В. Бугров, Ю. П. Чемякин АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КАК ОБЪЕКТЫ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА	268

СОДЕРЖАНИЕ

А. Клеворт УРОВНИ ЗАЩИТЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКАМИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	292
О. В. Зеленцова СОХРАНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И ПРОБЛЕМА ГРАБИТЕЛЬСКИХ РАСКОПОК	314
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	320
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	322
СОДЕРЖАНИЕ	324

Научное издание

III Северный археологический конгресс.
Доклады

Подписано в печать 10.10.2010 г.
Формат 84x108/16
Бумага ВХИ 80 г/м²
Гарнитура Book Antiqua
Усл. печ. л. 34,4
Тираж 350 экз.
Заказ № 219

Оригинал-макет подготовлен в научно-редакционном отделе
Института истории и археологии УрО РАН
620026, г. Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56
Тел. 8 (343) 251-65-19, e-mail: ui-vestnik@mail.ru

Издательский Дом «ИздатНаукаСервис»

Отпечатано в типографии
«Уральский центр академического обслуживания»
620219, г. Екатеринбург, ул. Первомайская, 91